

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Ольга Голубева-Терес

НОЧНЫЕ РЕЙДЫ СОВЕТСКИХ ЛЕТЧИЦ

**ИЗ ЛЕТНОЙ КНИЖКИ
ШТУРМАНА У-2**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Ольга Голубева-Терес

**Ночные рейды советских
летчиц. Из летной книжки
штурмана У-2. 1941–1945**

«Центрполиграф»

Голубева-Терес О. Т.

Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941–1945 / О. Т. Голубева-Терес — «Центрполиграф», — (На линии фронта. Правда о войне)

В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк – 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. «Ночных» – потому что бомбардировщиками выступали старенькие учебные самолеты-бипланы У-2 (По-2), «бронированные» фанерной обшивкой. Воевать днем, как другие боевые самолеты, такие машины не могли. «Необыкновенный» – потому что весь личный состав полка – от техника до командира – составляли женщины. В основном девчонки 18–22 лет от роду. Эти девчонки сделали за три года 24 тысячи боевых вылетов. 25 летчиц и штурманов стали Героями Советского Союза. Книга бывшего штурмана полка, кавалера ордена Славы Ольги Тимофеевны Голубевой-Терес (род. в 1923 г.) – правдивый рассказ о боевом пути этой уникальной в своем роде воинской части Красной армии.

© Голубева-Терес О. Т.

© Центрполиграф

Содержание

Вместо предисловия	5
Начало: военно-санитарный поезд	7
Марина Раскова	14
Формирование женских авиаполков	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Голубева-Терес

Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941-1945

Вместо предисловия

– Мама, ну зачем тебе эти бумаги? – спросила меня младшая дочь.

«Действительно, – подумала я, – пора почистить свой архив». Выдвинула верхний ящик стола да так и приклеилась к нему. В ворохе писем, фронтовых блокнотов и листовок мне попала в руки позабытая моя летная книжка. Я начала ее листать, потеряв счет времени, хотя она совсем небольшая – в ней всего пятьдесят страниц. На каждой из них записаны боевые вылеты, перелеты, спецзадания, продолжительность полетов, количество, вес и калибр сброшенных на врага бомб, результаты бомбометания, вынужденные посадки. В ней предусмотрены страницы для записей благодарностей, наград и взысканий, для парашютных прыжков, контрольных оценок полетов с поверяющими и для особых случаев. Записи в летной книжке скупы, но за скупостью слов стоят ночи, когда каждый час измерялся жизнью, а каждая минута была экзаменом на мужество, честность, верность Родине.

Я подумала, что шестьсот боевых вылетов, записанных в моей летной книжке, были разными. Очень трудные – в огне зениток и прожекторов – и совсем, казалось бы, легкие, когда так ласково светили звезды в тихой ночи. Но та тишина была обманчива: каждую минуту самолет могли поймать прожекторы, перехватить истребители или подбить зенитки.

С тех пор я часто возвращалась к своей летной книжке, порываясь написать о том, что стоит за скупой записью. Но каждый раз, когда я склонялась над листом бумаги, меня обуревали тысячи сомнений. «Сможешь ли ты ярко и правдиво рассказать о своих подругах и о полетах, о победах и поражениях? – спрашивала я себя. – Сможешь ли ты без утайки рассказать о своих ошибках, о взрослении и мужании на войне?» Меня тревожило буквально все: и тысячи написанных до меня книг, и головная боль с бессонницей, и телефонные звонки людей, которым я становилась вдруг позарез нужной. Против меня была моя лекционная работа, и даже солнце было против, когда тянуло из дому. Соблазняли дороги, когда хотелось куда-нибудь поехать, что-то повидать новое, испытать счастье общения с еще неизвестным и интересным. И дождь был против, когда все болит и не работает. Меня брала такая оторопь, что я комкала, рвала и выбрасывала уже исписанные листы. Но потом опять что-то заставляло браться за перо, преодолевать сомнения и недуги. Меня обступало такое изобилие фактов, эпизодов, людей, что, теряясь, я говорила себе: «Подумай, отбери главное».

И я думала. Много ездила по стране, встречалась с разными людьми, рассказывала им о войне, о ночных полетах и, вглядываясь в их глаза, старалась угадать то главное, о чем надо обязательно сказать.

Идет время, мы стареем. Уходят из жизни мои фронтовые друзья. И каждый такой уход, как черта, как итог, заставляет задуматься: хватит ли сил и времени, чтобы передать наш опыт мужества детям и внукам?

Недавно я проехала по местам боев нашего 46-го гвардейского орденов Красного Знамени и Суворова III степени Таманского ночных бомбардировщиков женского авиаполка. Сколько обелисков, памятников с алыми пятиконечными звездами стоит на тех дорогах, где нам приходилось воевать! Вспоминала. Переоценивала. Думала: если есть смысл в сегодняшней моей жизни, так только тот, чтобы рассказать, как это было. Да, о войне написаны тысячи книг, и, возможно, я ничего нового не скажу. Тогда зачем? А затем, что война ведь продолжа-

ется. Баррикады сегодня проходят через наши сердца и умы. Не военные, но – нравственные. Они разделяют людей вопросами: «Кто ты? И зачем ты пришел на эту землю, так обильно политую кровью? Как ты делаешь свое дело сегодня, чтобы не повторилась эта страшная трагедия – война?»

Возвратившись домой, я села за письменный стол и сказала себе: «Ты должна сделать то, на что способна, и ради этого стоит жить».

С чего же начать? Раньше мне казалось, что в памяти навсегда останутся все дни и ночи, проведенные мною в самолете. Но оказалось, что в памяти остаются лишь мгновения. И опять я достала свою летную книжку, перелистала ее, и произошло чудо: каждая скупая строчка, иногда неоконченная фраза вдруг заговорили, воскресли в памяти мельчайшие подробности полетов, даже вспомнились разговоры, настроение... Я вдруг поняла, что эта маленькая книжка, похожая на блокнот, вмещает не только мою жизнь на войне, но и тех, с кем я летала, кто готовил машину к полету, кто подвешивал бомбы, кто руководил нами.

Я хочу расшифровать только несколько страниц, несколько записей. И хочется мне рассказать без добавлений и приукрашиваний, непредвзято о хорошем и плохом, о большом и малом, о веселом и грустном – одним словом, о том, как девчонки жили на войне, о чем мечтали, что хотели совершить в своей жизни...

Начало: военно-санитарный поезд

– Сколько тебе лет? – спросил комиссар военно-санитарного поезда.

– На днях – восемнадцать.

– По паспорту выходит...

– Там опечатка, – перебила я.

– Родители знают?

– Они далеко, в Сибири.

– Как ты в Саратов попала?

– Долго рассказывать...

В это время в купе вошел огромный, толстый подполковник. Ремень не сходился на его животе, на самом кончике была выбита дырочка. Казалось, ремень мешает ему дышать, двигаться, говорить. В нем было все огромно – и тело, и голова, и особенно нос. «Как у Бабы-яги», – подумала я.

– Ну, что расскажешь? – спросил он, и мне его голос не понравился, его манера говорить и глаза тоже. Но я поняла, что это начальник поезда и от него зависит моя судьба.

– Возьмите меня в поезд! – решительно сказала я. – Вот справка, что я сдала экстерном экзамен на медсестру.

– Экстерном такие экзамены не сдают, – веско сказал начальник и оглядел меня всю каким-то неприятным взглядом. Я поежилась. – Возьму тебя диетсестрой.

Я обрадовалась, хотя понятия не имела, что это такое. В обед мне в кухне сунули поднос:

– Иди носи начальнику на пробу.

В купе начальник пригласил меня сесть.

Он отхлебнул две-три ложки супа, принялся за второе, искоса поглядывая на меня.

– Дочка у меня такая же, – вздохнул он. Придвинулся ко мне ближе. – Где? Я не знаю, – погладил меня по руке. – Вся семья растерялась. Так трудно мне!

Он снова погладил меня. Обнял за плечи. Я отодвинулась. Его рука соскользнула как бы нечаянно на мое колено. И он погладил меня по ноге. Я вскочила, резко отбросив его руку, и пулей выскочила из купе. За посудой не вернулась.

На другой день висел приказ: «...Перевести в санитарки, как не справившуюся с должностью».

Но мне понравилось в вагоне. Пахло щелоком, лаком и еще тем неуловимым, неизвестным запахом, который присущ вагонам и вокзалам и не уничтожается ни окраской, ни дезинфекцией. Поезд шел к фронту. Он нес, как знамя, свои красные кресты.

– По крестам бомбить не будут, – сказал старый доктор.

По утрам комиссар собирал всю команду и читал вслух сводку, а потом объяснял, какие варвары фашисты и что наши неудачи временные, а гитлеровцы будут разбиты Красной Армией в пух и прах. Я слушала его и думала: «И зачем так длинно и так скучно? Без тебя знаю, что победим».

Я считала, что комиссары должны говорить как-то особенно. Зажигательно и ярко. С примерами. Так говорить, чтобы душа наполнялась решимостью немедленно действовать. Я оглядывалась на своих товарищей и видела на их лицах только скуку. Станным все это казалось мне. Ведь когда мы собирались сами и обсуждали положение на фронте, каждый волновался, горячо высказываясь, и комиссар, случалось, присоединялся к нам. Он быстро овладевал нашим вниманием и рассказывал о боевых действиях так, что все мы кипели ненавистью к врагу. А на занятиях он как автомат. Скучный, нудный, неживой.

Совсем иные специальные медицинские занятия. Речь доктора была яркой и выразительной. Это был на редкость остроумный человек. Слушая его, мы, молодые и неопытные, легко усваивали азы медицины.

После этих занятий медсестра Лида экзаменовала меня и поучала:

– Как ты будешь делать перевязку предплечья? – И подставляла свое плечо. – А что ты будешь делать при пулевом ранении в живот?

– Остановлю кровь.

– Как?

– Ну...

– Опять нукаешь? Возьми шприц. Покажи, как будешь делать укол.

Я выполняла все ее требования с охотой, но при этом не отказывала себе в удовольствии поворчать:

– Хорошо тебе! Твои родители – врачи.

– И я прямо с пеленок все знаю... Учиться надо старательней.

На этих занятиях я забывала все свои неприятности. Но подходил час обхода, и у меня начинался внутренний озноб.

Вынув из кармана белоснежный платок, начальник короткими толстыми пальцами жирных рук проводил платком по полкам и, обнаружив пыль, истошно кричал. Я бессмысленно смотрела на его крутой, словно обрезанный подбородок, на покрасневшие, навывкате глаза, на прямые плечи, на которых покоилась круглая большая голова, и ничего не понимала. Почему он кричит? Я без конца мыла, вытирала, но в старые вагоны пыль проникала даже при закрытых окнах.

После таких разносов я горько плакала, и тогда у меня буквально все валилось из рук. Я садилась у окна, прижималась лицом к прохладному стеклу и смотрела, как навстречу поезду бежали телеграфные столбы. Чудилось, что они радушно раскинули руки. Вагон шатало, бросало из стороны в сторону. Истошно орал паровоз. Мерно стучали колеса. Это успокаивало. А больше всего успокаивал лес, который тянулся темной волнистой линией.

Это такое чудо природы – лес! Я люблю и могучий сосновый бор с уходящими в небо стройными колоннами-стволами; и веселые, ослепительно-белые березовые рощи; и хмурый, мшистый, задумчивый ельник; и столетние дубы-великаны; и нежную, нарядную рябину. Лес всегда снимает усталость и напряжение.

Глядя в окно, я вспоминала сибирские леса, дом... Вспоминала своих школьных друзей: Петра Владимирцева, Васю и Мишу Карасевых, Ваню Приваленко, Мишу Суворова... Где-то там, впереди, – фронт, там они сражаются. А у меня пока одно оружие: слезы. Защитник Родины...

Как-то после очередного обхода меня окликнул сержант из команды бойцов, добирающихся до фронта из госпиталей:

– Сестричка, что случилось? Кто обидел?

– Никто, – буркнула я.

– Ну, не надо... Не плачьте.

– А я и не плачу.

– Может, я чем-нибудь помогу?

– Не-ет. Мне нельзя помочь... – И я отвернулась.

– Я вас, кажется, знаю.

Я не откликнулась, неприязненно подумав, что сержанту просто хочется поболтать.

– Вы жили в Тобольске?

Я резко повернулась к нему.

– Да-да, мы встречались с вами, – улыбался парень. – Помните последний день занятий в школе? Ну, вспомнили? Меня зовут Саша. А я Игоря встретил. – И тут поезд внезапно резко затормозил.

– Потом расскажешь, Саша, – сказала я, бросаясь к выходу.

Мы выскочили наружу.

Над головой проплыли самолеты. Я решила, что это наши, и мысленно пожелала им удачи. Но машины вдруг развернулись. Бойцы заволновались:

– Ах ты, холера ему в бок, сколько их!

– И не торопятся...

– Куда это они?

– Гитлер не докладывал куда...

– Зенитки где? Ни одна не твякнет.

– Все равно не собьют.

– Чё болтаешь? Еще как сбивают!

– Давайте, братцы, врежем им из автоматов!

По перрону бежал офицер, размахивал руками и что-то кричал. Я отвернулась и опять посмотрела в небо. Оно было чуть сероватое от далеких облаков и близких сумерек.

– Что рот раззявила?! – Офицер грубо рванул меня за руку. – Бомбить сейчас будут! А вы... – накинулся он на сержанта, – прочь от поезда!

Мне не верилось, что будут бомбить, потому что у нас красный крест на крышах, и я продолжала стоять и глазеть на небо.

– Ты что? – крикнул офицер. – Дура!.. – Он выругался и толкнул меня под прикрытие вокзала.

За спиной что-то резко рывкнуло. Я не успела обернуться, как почувствовала, что лечу на красную кирпичную стену. Стена качнулась, поплыла куда-то в сторону. Сейчас свалится, раздавит, расплющит всех до единого...

Сколько это длилось? Не знаю.

Сквозь какую-то пелену, приглушавшую все звуки, я отчетливо слышала, как раскалывалась подо мной земля. На десять, на сто частиц... На одной из них, бесконечно малой, как на крохотной льдинке, я все-таки уцелела.

– Сестра-а!

Кругом бегали, оказывая помощь, мои товарищи, а я все стояла как в столбняке.

– Помоги... – Кто-то дотронулся до моего плеча.

Я подняла голову. Пожилой боец звал меня помочь корчащемуся в муках человеку. Я подошла к нему. И вдруг он завизжал и заплакал, да так жутко, что кровь леденела в жилах. Как подступить к нему? Я наклонилась над ним. Начала перевязывать, но раненый не давался. Мои руки дрожали. Я делала все неловко, плохо, и от сознания этого меня охватили отчаяние и стыд. Раненый как-то захлебнулся, что-то булькнуло в его горле, потом он затих и лежал спокойно, как будто ему и впрямь помогла перевязка.

У меня чуть отступило от сердца: наверное, ему все-таки стало легче. Но тут пожилой солдат, что просил меня перевязать, встал во весь рост и снял шапку. И тогда, поняв, что произошло, я громко, во весь голос, заплакала.

– Молоденькая, – сипло сказал кто-то. – Не видела еще смертей.

– Ладно, будет выть! – крикнул другой голос, зло и грубо.

Налет продолжался.

– Ложись! – закричал все тот же грубый голос.

Какая-то сила, прогрохотав по земле, вмяла меня в нее.

Багровое зарево делалось все больше и больше. Глядя на огненный горизонт, я почувствовала, как стучат у меня зубы. Я зажимала обеими руками рот, а зубы все стучали. И день показался сразу холодным и знобким.

Самолеты безнаказанно ушли. Я осмотрелась и не узнала станцию. Горели вагоны, рухнули здания, из-под руин вытаскивали раненых и убитых.

Потрясенная, я не сразу вспомнила о Саше, моем школьном знакомом. Но, вспомнив, стала его искать. Он лежал неподалеку от поезда. Может быть, ему не хватило всего полушага, чтобы уцелеть. Его лицо не пострадало, и это ввело меня в заблуждение.

– Саша! – Я опустила на колени, приподняла его голову и тут увидела, что у него нет ног. – Са-ша-а...

Слезы бежали по лицу, и я вытирала их липкими ладонями, ощущая острый запах крови.

Подшел доктор. Осмотрел сержанта. Вздыхнул.

– Ну-ну, дочка, успокойся! Нельзя так падать духом. Ему, бедняге, уже не помочь. – Доктор склонился надо мной. – Ну-ка, дай я тебе слезы вытру, а то целую лужу напустила. – И стал вытирать мне лицо. – Я думал, немец месиво здесь устроил, – говорил доктор. – Черта с два! Умеем мы держаться за родную землю. Раненых мало...

Его слова и все, что делалось вокруг, проходило в моем сознании, как в густом тумане. Одна только фраза звучала четко: «Потом расскажешь, Саша. Потом...» Словно что-то заклинило в мозгу: «Потом...» Господи, ведь «потом» уже никогда не будет!

Потом я металась по перрону, помогая втаскивать раненых в вагоны. И все мои действия были какие-то механические, неосознанные. «Потом... Потом расскажешь...»

Так вот какая она – война! И от меня на этой войне требуется не только героизм, а, прежде всего, выносливость – нечеловеческая выносливость.

Было такое ощущение, будто голова моя зажата в тисках. Боль была пульсирующая, ноющая. Я почувствовала внезапный острый приступ тошноты. Ужасная слабость охватила меня, я вся покрылась холодным потом. Мне немного полегчало, когда поезд тронулся.

Он полз еле-еле, иногда его ход совсем замирал. Из окон были видны избы, огороды, поля. Какая-то деревня ярко пылала, и хлебное поле горело за нею – дымно, чадно.

Земля изрыта рвами. Людей почти не видно. Сквозь стук колес был явственно слышен непрерывный грохот близкой канонады.

Поезд наконец прибыл к станции, откуда мы должны забрать раненых. Всю ночь ее обстреливали и бомбили, и всю ночь к нам поступали раненые. Одних приносили на носилках, других привозили на грузовиках, третьи приходили сами...

Утром пришла Лида, и я не узнала ее. Она осунулась, побледнела и даже постарела за одну ночь.

– Всю ночь оперировали, – сказала она. – Вагон трясет, а мы работаем.

На полуслове она уснула.

Надо было привыкать к стонам, к храпам, к отвратительным запахам запекшейся крови, немытого тела, эфира, мочи. В вагонах для легкораненых работать было хлопотнее, чем в кригерах для тяжелых. Тяжелораненые лежат, бедняги, на своих подвесных койках с детскими сеточками и чаще всего молчат. И никто там не нарушит правил внутреннего распорядка, не пойдет разгуливать по вагонам, не вылезет в кальсонах на станцию покупать картошку и самогон.

А у меня в вагоне были, по сути дела, почти здоровые парни. Сначала, пока им было больно, они кряхтели или стонали, боялись остаться калеками, а чуть-чуть полегчало – и они принялись рассказывать веселые байки, любезничать с санитарками, петь песни, им уже и море по колено, хоть сейчас в бой.

Скажешь: «Товарищи, неприлично в белье на перрон!» – смеются. А про самогон и не заикайся, что вреден. Такой хохот, шум поднимают – вагон дрожит.

Я работаю двенадцать часов, потом сутки свободна. Но свобода моя относительная. Я не имею права никуда отлучаться. Чаще всего я помогаю делать марлевые тампоны. А в вагоне много раненых, и никакого отдыха не получается. Подала пить одному, умыла другого, погладила по голове третьему, остановилась перед четвертым. Сворачиваю раненым сигарки, поправляю постели, шучу. Словом, как белка в колесе.

А по вагону несется:

– Ой-ой, сестричка, скорей! Помоги, подними ногу. Затекла...

– Пить... иссох весь насквозь!..

– Ой, сестра, умираю...

Однажды предложила им:

– Хотите, стихи почитаю?

– Давай, сестренка, заговаривай боль, – прошептал один с повязкой на глазах.

Я села к нему на полку.

Значит, так... На миг задумалась: что почитать? Может, «Мцыри»? Я любила эту поэму. Меня всегда волновала судьба мужественного мальчика. Я знала ее наизусть.

– Значит, так:

...И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.

В вагоне установилась удивительная тишина. Только мой голос, стук колес, редкие гудки паровоза... Когда я закончила читать, мне показалось, что раненые задремали. Меня тоже одолевала дрема. Голова отяжелела, веки слипались. Но как только мой голос смолк, раненый, у ног которого я сидела, тяжело вздохнул и застонал. Я подумала, что этот человек страдал не столько от физической боли, сколько от страха навсегда остаться слепым. Он утратил жажду жизни, силу сопротивления. Я прислонилась спиной к стенке, подчеркивая, что готова просидеть с ним долго. Взяла его руку, погладила.

– Доктор сказал, что все обойдется, если вы сами будете бороться...

Больше я не знала, что сказать.

С того дня каждый вечер у нас в вагоне устраивались концерты.

Ни смерть, ни кровь, ни страдания не могли подавить в человеке человеческое, не могли уничтожить тонких движений души. Ведь у каждого солдата где-то остались мать, жена, невеста, просто знакомая девушка, где-то рядом дрался друг, и длительная разлука с ними, обостренная постоянной опасностью, переживалась особенно глубоко.

В стихах, песнях фронтовики находили отражение своих чувств, желаний, страстей...

Поезд медленно постукивает. За окнами лежит большая страна Россия, ее поля, леса, серые деревни. Там голод, холод, болезни. До победы еще так далеко. А я никак не могу привыкнуть к крови, обморожениям, страданиям...

Время бежало. Много рейсов уже было сделано. В промежутках мы с Лидой два бегали в Воронеже в штаб фронта проситься на передовую. Нас бесцеремонно выпроваживали.

Однажды Лида ворвалась ко мне в вагон и скороговоркой сообщила новость: «Раненый летчик сказал, что Раскова женский полк формирует. Сталин приказ издал: всех летчиц беспрепятственно отпускать, где бы они ни были».

У меня сердце упало: уедет Лида, ставшая мне родной, и некому будет даже пожаловаться, поплакаться...

- Через час уезжаю.
- Господи, ну что же мне делать?
- Комиссар дал тебе увольнительную меня проводить, – жалостливо посмотрела на меня

Лида.

- Ладно. Идем...

Вот и поезд. С трудом протиснулись в тамбур. В вагон не влезть. Народу как сельдей в бочке.

- Пора, – сказала Лида.
- Я поеду с тобой.
- Что же будет?
- А ничего! – беспечно махнула я рукой. – Хуже не будет.

Поезд тронулся, убыстряя ход.

Приехали глубокой ночью. До рассвета нечего было и думать искать военный городок.

Вошли в переполненный зал ожидания. Сизый махорочный дым, толкотня и гул голосов, военные, ожидающие своего эшелона на фронт. Народу – яблоку упасть некуда.

- Эй, курносые, сестренки! Идите сюда, – весело крикнули из ближайшего угла.

Мы протиснулись и устроились на скамейке, с которой поднялись старшина и лейтенант.

- Куда путь держите?
- К Расковой, в женский полк.
- Бросьте! Поехали лучше с нами.

Они улыбались, перемигивались. Лида строгим взглядом обвела парней:

- В армии главное – приказ.
- А там, у девчонок, знаете как?
- Как?

– Там же драки, потасовки, сплетни.

Лида рассердилась, хотела ответить, но лейтенант скороговоркой продолжал:

– А как там хлеб делят! Разрезают на разные куски, потом собирают крошки, распределяют их по пайкам, сажая спиной девчонку, а другая, тыкая пальцем в куски, кричит: «Кому?» Та называет фамилии. И не дай бог кому попадется чуть больше кусок! Цепляются друг другу в волосы, и начинается кутерьма.

Все вокруг смеются.

– Это что... – подхватывает другой. – Все это чепуха по сравнению с военным трибуналом. За один поцелуй – суд! Остановилась девчонка с парнем – арест!

Лида поднимается со скамейки:

– Идем. Нечего глупости слушать. Ну а насчет поцелуев, – повернулась она к лейтенанту, – правильно! Нечего целоваться, когда война!

Мы шли, утопая в снегу, к военному городку, и Лида пыталась представить свое будущее. Фантазия рождала картины героических воздушных боев, о которых она знала по газетным статьям, по рассказам раненых летчиков.

Конечно, ее немедленно возьмут в истребительный полк, и она сделает все, чтобы поскорее победить.

Никого ни о чем не спрашивая, мы беспрепятственно прошли через проходную военного городка. Отойдя на приличное расстояние от проходной (как бы не задержали), Лида обратилась к проходившей мимо женщине с двумя кубиками в петлицах: как найти майора Раскову? Я робко спросила ее:

- А если я даже самолет близко не видела? Не возьмут?
- Возьмут. Нужны младшие авиаспециалисты. Электрики, например. Учить будут.

И вот нас наконец приглашают в комнату, где находится несколько женщин в военной форме. Но я вижу только Раскову. Ее книга «Записки штурмана» учила меня стойкости. Я

хранила дома несколько журнальных портретов Расковой и сразу же узнала ее. Среднего роста, с темными волосами, разделенными прямым пробором, она была в хорошо пригнанной по ее стройной фигуре форме с голубыми петличками и двумя шпалами на них. На гимнастерке – звезда Героя Советского Союза.

– Откуда тут медицина? – удивленно спросила Раскова. – Медсестры нам не нужны.

И тут выступила вперед Лида:

– Пилот запаса Лаврентьева.

– О! Это уже другой разговор.

Лида подала документы. Раскова, быстро пробежав взглядом удостоверение Лаврентьевой, изучающе посмотрела на нее. Перед ней стояла среднего роста, с карими, чуть раскосыми восточными глазами, красивая, несколько полноватая девушка.

– Товарищ майор! – забеспокоилась Лида. – Я умею летать!

– В штурманскую группу пойдешь.

– А летчицей?

– Нам срочно нужны грамотные штурманы.

Пока шел разговор с Лаврентьевой, я дрожала от страха: вдруг откажут? Что же придумать такое, чтобы они не смогли мне отказать? Что я умею? Ничего. А летать хочется. А если соврать: дескать, окончила аэроклуб, документы потеряны? Нет, врать не годится. Остается запасной вариант: у них не хватает электриков.

– Ну а ты кто? – спросила вдруг меня Раскова. – Что умеешь?

– Ничего, – упавшим голосом призналась я. И, боясь, что дальнейшего разговора не будет, торопливо добавила: – Почти ничего... – И совсем неожиданно для себя зачастила: – Перевязывать раны умею, стихи читать... Ой, электричество еще знаю! По физике пятерку в школе имела.

– Давай документы.

Я подала просроченную увольнительную. Раскова удивленно посмотрела на меня.

– Я убежала, – потерянным голосом произнесла я.

– Почему?

– Начальник за коленки хватался.

– Ах, девчонки, девчонки... – покачала головой Марина Михайловна. – Что же мне делать с тобой?

– Возьмите меня...

– Хорошо. Пойдешь электриком. Но ни одному человеку... Слышишь? Ни одному! Никому не говори, что сбежала. Документы сдала мне.

Вот так я попала в авиацию. С Лидой развели по разным полкам, и встретимся мы с нею только через два года, когда она попадет в наш полк.

Марина Раскова

Говорят, что возраст человека измеряется не количеством прожитых лет, а количеством сделанных дел. И это, пожалуй, верно. Иной человек и за сто лет не сделает столько, сколько успела Марина Раскова за свои тридцать.

Взять хотя бы три авиационных женских полка, которые она сформировала в годы Великой Отечественной войны на Саратовской земле.

Сформировала... Пожалуй, это не то слово. Большинство летчиц, штурманов, техников пришли в авиацию именно за Расковой, вдохновленные ее полетами, ее победами, ее устремленностью. Эта красивая женщина стала легендой, кумиром для целого поколения...

Все окружающие и близкие предсказывали ей судьбу певицы, пианистки. Она могла стать биологом и химиком. Но неожиданно для всех и для себя самой стала штурманом. И ее учителями оказались известные всему миру штурманы Спирин и Беляков, положившие начало серьезному развитию аэронавигации в Советском Союзе.

В семнадцать лет Марина вышла замуж. Марина Малинина стала Мариной Расковой. Под этой фамилией ее знают миллионы людей. Через год она родила девочку и полтора года была привязана к дому. А потом ей предложили место чертежницы в Военно-воздушной академии. Вот тут-то она и заболела авиацией. Марина стала изучать труды по аэронавигации и скоро поняла, что этих книг недостаточно, чтобы стать хорошим штурманом. Раскова начинает изучать высшую математику, астрономию, физику, радиоэлектротехнику, топографию, метеорологию и аэродинамику. Через два года Марина прекрасно владела не только теорией штурманского дела, она выполняла в воздухе штурманские обязанности летчика-наблюдателя, и ей была предоставлена возможность держать экзамен на звание штурмана при Управлении гражданского воздушного флота. В двадцать три года она стала не только штурманом, но и преподавателем академии.

И вот наконец ей дали первое ответственное задание. Прокладывалась новая воздушная трасса Одесса – Батуми, и Раскову назначили штурманом Черноморской экспедиции. Более двух месяцев продолжались полеты над морем, часто в сложных метеоусловиях.

За отличную работу командование академии решило поощрить Раскову. Спросили: что бы она хотела?

– Разрешите учиться в летной школе!

Без отрыва от своей основной работы она окончила курс летной подготовки при Центральном аэроклубе. С 1934 года она участник многих воздушных парадов над Красной площадью. А это уже говорит о многом: неопытному пилоту не доверяют такого задания. А неопытному штурману – тем более...

За беспосадочный перелет на гидросамолете из Севастополя в Архангельск в сложных условиях Марина Раскова вместе с Валентиной Гризодубовой и Верой Ломако были награждены орденом Ленина. Но настоящее самое сложное задание было впереди. Им предстоял перелет, которым Марина Раскова вместе с Полиной Осипенко и Валентиной Гризодубовой прославили Родину, после которого она сама стала известной во всем мире.

24 сентября 1938 года в 8 часов 12 минут капитан Гризодубова, капитан Осипенко и старший лейтенант Раскова вылетели из Москвы на Дальний Восток на двухмоторном самолете «Родина». Так начался легендарный беспосадочный перелет.

Когда я, девчонкой, читала книгу Расковой «Записки штурмана», я будто видела бескрайний простор хмурого осеннего неба, затерявшийся между облаками обледеневший самолет. Я представляла, как летчицы Валентина Гризодубова и Полина Осипенко, сменяя друг друга, ведут машину все дальше на восток. Только штурман несет бессменную вахту. Давно

уже нет связи с землей: где-то на середине пути, за Красноярском, самолетная радиостанция вышла из строя, и штурману приходится контролировать маршрут только по компасу и часам.

Они летели вслепую, не зная ни погоды по маршруту, ни точного местонахождения. Плотные холодные облака не выпускали самолет из плена. Лишь к ночи они могли пробить облачность на высоте около шести тысяч метров. Звезды таинственно и враждебно мерцали в матово-черной глубине неба. Постепенно исчезла корка льда на крыльях – термометр за бортом показывал минус тридцать восемь. Высунувшись в верхний люк, Раскова пыталась снять высоту хотя бы пары звезд, чтобы уточнить ориентировку, но то, что она делала раньше быстро и четко, сейчас давалось с большим трудом: в жгучем морозном потоке воздуха руки ее в шерстяных перчатках застыли через несколько секунд. Негнущимися пальцами работала она с секстантом, устанавливая уровень и производя отсчет азимута звезд, на глаза ее набегали слезы и мгновенно примерзали к щекам. Время от времени она засовывала пальцы в рот и отогревала их своим дыханием, с отчаянием глядя на ускользающий блеск звезд.

Наконец, закончив отсчет, она спустилась вниз и задвинула люк. Некоторое время сидела сжавшись, засунув под мышки заледеневшие руки, не слыша голоса командира, что-то сообщавшего ей по переговорному устройству. Когда унялась противная холодная дрожь и руки снова стали послушными, она принялась за расчеты. Выходило, что самолет уклонился от намеченного маршрута далеко влево, и появилась новая опасность: может не хватить горючего, чтобы долететь до Комсомольска-на-Амуре.

Разложив на полу кабины полетную карту, Раскова при свете тусклой бортовой лампочки проложила истинный курс и дала команду изменить маршрут полета. На рассвете они пошли вниз. Под ними серело свинцовое Охотское море. Белые гребни волн плясали внизу. Облачность заволакивала изломанный, скалистый берег, где не было видно ни дымка, ни других признаков жилья. Только море бросалось на скалы.

Они взяли курс на Комсомольск. Море уже осталось позади, самолет шел на высоте чуть более тысячи метров. И вдруг на щитке приборов замигала красная лампочка: горючее кончалось. Надо садиться...

Где? Как? Внизу на многие сотни километров расстилалась тайга. Нельзя было медлить, надо искать место для посадки, пока еще работают моторы. Командир корабля Валентина Гризодубова решила садиться на болоте между двумя сопками. Но при такой посадке штурман, кабина которого находилась в носу самолета, могла погибнуть, ибо самолет мог скапотировать, то есть встать на нос. Командир приказала Расковой прыгать с парашютом.

Сумрачная осенняя тайга наплывала снизу. Парашют раскачивался, словно гигантские качели. Слева, мимо нее, прошел со снижением самолет. С высоты ей был виден тот распадок, где собиралась приземлиться Гризодубова. Но порыв ветра понес парашют, распадок остался за спиной. Раскова приготовилась к приземлению.

С треском ломались тонкие ветви под тяжестью парашюта, стропы захлестнулись на острой вершине дерева, осыпавшаяся хвоя колким дождем падала на лицо. Раскова повисла боком, метрах в двух от земли, с трудом расстегнула замки парашюта и упала вниз. Она села на мягкий бугорок хвои, растирая ушибленную при прыжке ногу. Меховые унты слетели с ног в воздухе, остались только тонкие носки из козьего пуха. Подтянула их повыше и завязала тесемками. Вокруг стояла непостижимая тишина. Хотелось спать. Но Раскова заставила себя подняться, чтобы идти искать самолет. Она проверила пистолет и переложила его из кобуры в нагрудный карман. Пошарила в других карманах, но, кроме надломленной плитки шоколада, больше ничего не нашла. Аварийный запас еды и одежды остался на борту самолета. Признаться, это ее не огорчило: она надеялась скоро выйти к месту предполагаемой посадки.

Ей казалось, что стоит подняться на сопку, у подножия которой она приземлилась, как она сразу увидит самолет. Но когда сквозь кусты и заросли высокой травы она выбралась на вершину, перед ней открылась бескрайняя тайга.

Ей стало страшно от тишины и от чувства одиночества. Она выстрелила. Сухой щелчок негромким эхом прозвучал над тайгой, потом все смолкло. Хотела еще выстрелить, но спохватилась: патроны надо беречь. Сколько ей придется блуждать по тайге?

Где же самолет?

Слева, на дальней сопке, она заметила сосну с раздвоенной вершиной и решила идти напрямик. Уже через несколько минут ей стало жарко: поваленные деревья, заросли кустарников, высокая, по грудь, трава преграждали ей путь. Тонкие пуховые носки быстро стали мокрыми, скользили по прелым листьям, ноги в них ощущали каждый сучок, каждый камешек.

Спустившись вниз, она вышла к небольшой речке, петлявшей среди тальника и огромных лопухов. Она пошла вверх по течению. Скоро речка затерялась в топких, болотистых берегах. Перепрыгивая с кочки на кочку, Раскова перебралась через болото и поднялась на сопку. И тут силы стали покидать ее: голова кружилась, колени подгибались от слабости. Раскова решила отдохнуть. Хоть час поспать: шли уже вторые бессонные сутки. Она сняла мокрые «унтыта». Сунула ноги в одну штанину комбинезона, вытщила плитку шоколада и, разделив на дольки, съела одну. «Каждый день я буду съедать только по одной дольке, – решила она, – и тогда хватит на неделю...»

Она уснула мгновенно, а когда проснулась, уже темнело и тучи еще ниже висели над головой. К ночи идти на поиски самолета не было смысла, поэтому она спустилась к реке, напилась, собрала пригоршню ягод и снова поднялась на сопку.

«Сколько же можно продержаться без огня, без еды?» – думала она. В темноте вдруг ожили звуки, которые она не замечала днем: шелест тайги, протяжный свист ночной птицы, осторожный шорох травы.

А с утра Раскова снова продиралась через чащобу и прыгала по болотным кочкам. Однажды она провалилась и с отчаянием выбиралась из ледяной воды, но при этом в болоте остался и пуховый носок. Пришлось вместо него натянуть на ногу шерстяную перчатку. Обмотала травой, да так и шла. Через неделю она съела последний кусочек шоколада. Но все шла и шла, стараясь держаться открытых мест, чтобы можно было заметить ее с воздуха.

Она увидела самолет на девятый день. Он сделал круг, потом развернулся и опять прошел над ней, показывая направление, куда она должна идти. На десятый день Раскова вышла к месту посадки самолета «Родина», где ее ждали подруги.

За этот перелет В. Гризодубова, П. Осипенко и М. Раскова были удостоены звания Героя Советского Союза. О них говорил весь мир.

Но всемирная известность после рекордных перелетов не испортила характера Расковой, не вскружила ей голову. Она по-прежнему оставалась такой же общительной, отзывчивой и душевной. Конечно, популярность ее была огромной. Ее засыпали письмами девушки – просили помочь стать летчицами. Писали матери – просили помочь в воспитании трудных подростков. Многие искали с ней личных встреч, подкарауливая возле дома, и тоже обращались с просьбами. Ее постоянно приглашали на встречи на предприятиях и в школах. Она выступала с лекциями и докладами, выполняла депутатские поручения. И все это как-то совмещала с большой и ответственной работой в Наркомате обороны.

Иногда на встречах ей говорили, что при такой известности и славе она могла бы построить себе «красивую жизнь». Но дело в том, что Раскова по-своему понимала эту жизнь.

В сентябре 1941 года Марина Михайловна добровольно взвалила на свои плечи такую задачу – сформировать три женских полка. Многие авиационные командиры не верили в успех дела. Но Раскову это не остановило.

8 октября 1941 года во все райкомы комсомола Москвы был передан призыв ЦК ВЛКСМ о добровольном наборе комсомолок в армию. Отсюда телефонограммы передавались в учебные заведения, на предприятия, в учреждения. Весть быстро распространилась.

Здание ЦК гудело, словно улей. В вестибюль входили все новые группы девушек – из Московского авиационного института, медицинского, педагогического, из МГУ, сельскохозяйственного, с фабрик, заводов...

Быстро и уверенно прошла отбор группа из МАИ. Среди них две саратовские девушки – Рая Аронова и Тамара Фролова. Аронова держалась особенно уверенно: у нее за плечами аэроклуб. Тамара же убедила членов комиссии, что она будет механиком. «Хорошим, – поспешила заверить. – А потом научусь летать. Мы, саратовские, способные». Она действительно стала хорошим механиком, а потом и штурманом. Но на 128-м боевом вылете она погибла.

Комиссаром группы формирования была назначена батальонный комиссар Е. Я. Рачкевич.

Много прибыло летчиц-инструкторов и выпускниц из аэроклубов, пилотов гражданского флота. Раскова и Рачкевич подолгу беседовали с каждой девушкой, старались определить, где, кого и как лучше использовать в соответствии с профессией, подготовкой и наклонностями. Летчицы из ГВФ держались солидно и независимо. Многие из них, такие как Евгения Тимофеева, Евдокия Бершанская, Надежда Федутенко, Серафима Амосова, знали друг друга, имели большой налет на трассах или в качестве инструкторов училищ. А вот штурманов не хватало. Вот почему выпускниц Херсонского училища Осоавиахима, которое готовило летчиков-инструкторов со штурманским уклоном, Раскова зачислила в штурманскую группу, несмотря на их протесты.

– Поймите, – говорила она, – летчиками мы полки укомплектуем, а вот штурманами – нет. А без них бомбардировочная авиация действовать не может.

Так убеждала Раскова и Валю Кравченко, инструктора Саратовского аэроклуба. Кравченко согласилась, ведь и Раскова была штурманом.

17 октября поздно вечером авиагруппа строем двинулась на вокзал и погрузилась в эшелон. В теплушках холодно, тесно, устроились на нарах кое-как. В дороге питались хлебом и селедкой. Раскова ежедневно бывала в вагонах, знакомилась с каждой, разъясняла ближайшие задачи. На десятые сутки авиагруппа прибыла в город Энгельс. Начальник летной школы, когда Раскова представилась и сдала необходимые документы, спросил ее:

- Вы уверены в успехе вашего дела?
- Да! – твердо ответила она.
- А трудностей не боитесь?
- Нет. Все знают, что трудности будут, и идут на это сознательно.
- Ну, раз так, то в добрый час. Авиагруппе мы присвоим условный номер – 122.

Формирование женских авиаполков

Первые дни были очень трудными. Строгий распорядок дня, строевая подготовка, классные занятия по десять – одиннадцать часов в день. Передвижение по территории гарнизона только строем.

С непривычки девчонкам трудно было выдержать этот жесткий режим. Я старалась преодолеть все трудности. Ведь обещала Расковой все выдержать.

Вскоре на аэродроме, включая подкрыльные факелы, я забыла вырубить электричество из сети, и они взорвались в моих руках. Рядом оказалась Раскова.

– Открой глаза! Теперь-то видишь?

Все обошлось. А Марина Михайловна с упреком сказала:

– Эх, профессор! Учиться надо!

Она требовала от всех аккуратности, четкости, организованности. И сама подавала пример, вызывая наше восхищение.

А как она умела носить военную форму, которая удивительно элегантно сидела на ее ладной фигуре и очень гармонировала с гладкой строгой прической. Не каждой женщине, даже в самом нарядном платье, удавалось выглядеть так привлекательно и женственно. Когда Раскова улыбалась или смеялась, в ней смеялось все: ее светлые глаза и ослепительно-белые зубы. Такой мы ее запомнили.

Учеба шла своим чередом. Теоретическая подготовка будущих воздушных бойцов проводилась по общей программе для всех трех полков. А в штабе формирования шла работа по укомплектованию частей. Раскова до поздней ночи засиживалась в штабе, беседовала с людьми, изучала личные дела, оценивала жизненный путь и опыт летчиков. Прежде всего нужно было подобрать командиров подразделений и начальников служб.

На должность командира 588-го ночного бомбардировочного авиаполка Раскова выбрала Евдокию Давыдовну Бершанскую. Во-первых, в прошлом инструктор, летчик гражданского флота. Во-вторых, Евдокия Давыдовна имела спокойный характер, обладала большой выдержкой и тактом, была справедливой и волевой. Комиссаром полка была назначена Е. Я. Рачкевич, начальником штаба – бывшая студентка МГУ Ирина Ракобольская.

Командиром 586-го истребительного авиаполка, на самолетах Як-1, стала майор Т. А. Казаринова – одна из старейших кадровых летчиц ВВС. Комиссаром – военный инженер 3-го ранга О. П. Куликова, начальником штаба – бывшая студентка МГУ Александра Макунина.

Командиром 587-го бомбардировочного авиаполка, на вооружении которого был легкий бомбардировщик Су-2, стала сама М. М. Раскова, комиссаром – Л. Я. Елисеева, начальником штаба – капитан М. А. Казаринова.

Полки истребителей и ночников были укомплектованы по штату всеми специалистами в первую очередь. В истребительный полк отобраны летчики из Осоавиахима, имевшие хорошую летную подготовку. Для полка ночников, на самолетах У-2 – летчики из аэроклубов. В полк скоростных дневных бомбардировщиков – пилоты, имевшие опыт полетов по маршруту, годные к полетам без ограничений. Командиры эскадрилий, звеньев – это наиболее опытные авиаторы.

Общее руководство по подготовке трех полков было оставлено за майором Расковой. А это значит, что именно ей приходилось заниматься вопросами обеспечения полков самолетами, летным и техническим обмундированием, различным оборудованием и снаряжением.

В любое время суток Раскову можно было застать на аэродроме. Она проводила разборы, летала, отдавала распоряжения и, конечно, учила подчиненных. Казалось, она никогда не отдыхает. Никто не видел ее усталой. Или она так умела владеть собой.

При формировании полков вновь сказалась нехватка людей. Марина Михайловна обратилась в Саратовский горком комсомола. Буквально на следующий день с раннего утра здание горкома осаждали девчата. Шутки, остроты, смех. В тесном коридоре не протиснуться. Все волнуются, как перед сдачей решающего экзамена. Все внимание – на дверь, за которой заседает комиссия. Девушки кидаются к выходящей, заглядывают в лицо, по блеску глаз и улыбке угадывая, что все в порядке. Наперебой спрашивают:

– Взяли? Строго осматривают? К зрению придираются? Справки о стрелковой подготовке требуют? А о прыжках?..

– Ничего не требуют. Посмотрели. Постукали. Сказали: «Годна».

Большая группа девушек пришла из авиационного техникума: Петкилева, Пинчук, Лучинкина, Шеянкина, Платонова... Именно они впоследствии составили костяк технической службы трех полков. Их зачислили сразу, без долгих разговоров.

Чуть ли не первыми примчались на прием к Расковой Нина Данилова, Ольга Ключева, Лидия Демешева – выпускницы Саратовского аэроклуба. Они тут же были приняты в штурманскую группу.

– У вас налет малый. На войне летать – это не в аэроклубе, – сказала Раскова.

А Ольге Ключевой, узнав, что она дипломница экономического института, предложила сначала все-таки защитить диплом.

– С войны вернешься, а у тебя специальность...

Над Олей подшучивали:

– Фрицы не сбивают тех, кто с высшим...

К двери робко, бочком протиснулась невысокого роста девушка. Она пришла прямо с завода, после смены. Вошла в горком и растерялась: все говорят о самолетах, о полетах. А что умеет она, Аня Сергеева, работница шарикоподшипникового завода? Только семь классов закончила. «Ну и что? – подумала Аня. – Зато я выносливее и сильнее многих». И она посмотрела на свои руки. «Возьмут!» – решила Аня и смело перешагнула порог кабинета, где сидели Раскова и Рачкевич.

– Что умеешь?

– Работать!

Ей хотелось рассказать Расковой, что ее фотография висит на заводской Доске почета, но застенялась. Повторила:

– Работать умею!

– Вооруженцем пойдешь?

Аня не знала, что это такое, но уверенно ответила:

– Все сумею!

С заводов пришли и Лысогорская, и Резниченко, и сестры Жуковицкие, и Полина Белкина, и многие другие девчата. А на их опустевшие места вставляли подростки.

Расталкивая очередь, к двери пробиралась маленькая девчушка.

– Ты куда, дитяtko? – одновременно спросили ее несколько человек. – Здесь не в пионерский лагерь записывают.

– Я вам не дитяtko, – строго ответила она. – А куда записывают, сама знаю. Отойди! – Девушка рукой отстранила насмешницу, которая загоразживала дверь.

– Кто ты такая?

– Целовальникова я.

– Хо-хо! Что-то не слыхали такой фамилии среди известных летчиц.

– Еще услышите!

Вокруг расхохотались. Маленькая, худенькая девчушка держалась так, словно была опытным воином. Когда она вошла в кабинет, Раскова удивленно посмотрела на нее.

– Тебе что?

– Записаться пришла. На фронт.

Пропустив гражданское «записаться» мимо ушей, Раскова спросила:

– Что же ты умеешь? Самолет водить? Стрелять? Ремонтировать?

– Да нет, – нисколько не смутившись, ответила девчужка. – Я только школу окончила...

Но ведь научусь! Всему, чему надо, научусь.

Раскова откровенно рассматривала девчонку от ее ботинок тридцать третьего размера до маленьких ладошек. А та задирала голову, поднималась на носки, как будто таким образом могла стать выше.

– Ну возьмите хоть кем. На худой конец, на первое время хоть писарем, что ли... А потом я научусь летать, сумею. Вот увидите...

– Ишь ты, «на худой конец», – усмехнулась Раскова и, обернувшись к членам комиссии, спросила: – Возьмем?

Вот так и взяли Лиду Целовальникову. Была она старшиной в эскадрилье, а потом все-таки стала штурманом и закончила войну, имея за плечами 590 боевых вылетов.

Многие саратовские девчата брались тогда за любое дело, только бы их взяли. Хоть кем! Аню Сергееву, Полину Петкилеву, Асю Пинчук, Валю Лучинкину и многих других зачислили вооруженцами. Многие из них потом стали летать штурманами. А вот Нина Худякова стала укладчицей парашютов.

Галя Жедяевская пришла с четвертого курса автодорожного института.

– А ты кем хочешь стать? Прибористом или мотористом? – спросили ее.

– Конечно мотористом, – заявила она, не зная, насколько тяжелую работу выбирает.

Да и кто тогда думал о том, что нас ждет.

Воинский порядок, строгая дисциплина – это первое, с чем пришлось столкнуться. Примечательным был первый приказ штаба особых полков от 25 октября 1941 года:

«Всему личному составу приказываю: перед баней пройти стрижку волос.

Устанавливаю для всего личного состава сбора единую прическу: перед – на пол-уха и под польку – затылок.

Ношение других видов причесок только с моего персонального в каждом отдельном случае разрешения.

Начальник сбора особых полков

Герой Советского Союза

майор Раскова».

В парикмахерской некоторые сидели с трагическим видом. Ножницы безжалостно отхватывали косы. Ворохом лежали они на полу – белокурые, русые, каштановые, черные... Смешивались и сбивались в войлок. Многие девчата стали похожи на мальчишек. У каждой сразу поубавилось росту. Но все подтрунивали друг над другом, шутили, хотя в смехе этом слышалось и сожаление об утраченных локонах, и печаль о том, что теперь навсегда осталось в беззаботном прошлом.

Много огорчений доставила и форма: гимнастерки, брюки, мужское белье, кирзовые сапоги и портянки. Все было велико. Одну шинель можно было надеть на двоих и застегнуть на все крючки. Самые маленькие сапоги сорокового размера! Раздобыли ножницы, иголки, нитки и принялись за подгонку.

В часть продолжало прибывать пополнение. Через приемную комиссию прошло более тысячи девушек. С приездом в Энгельс личный состав распределился по группам. В летную вошли летчицы из аэроклубов и гражданского воздушного флота, в штурманскую – штурманы, получившие это звание в авиашколе Осоавиахима, и студентки вузов. Тех, кто имел техниче-

ское образование, определили в группу механиков по вооружению, по приборам и эксплуатации.

Занятия шли в лихорадочном темпе, а ночами то и дело поднимали по тревоге.

...5 часов 30 минут утра. Подъем. Десять минут на туалет – и в строй. Еще до завтрака будущие штурманы изучали телеграфную азбуку. После завтрака садились за книги, тетради, географические карты. Штурманское дело – сложное. Нужны большая настойчивость, упорство, терпение, чтобы овладеть тонкостями аэронавигации. Ведь придется водить самолеты в разных метеоусловиях: при хорошей и плохой видимости, под облаками и над ними, при попутном, встречном или боковом ветре. Многого и предусмотреть нельзя. Надо научиться распознавать местность, ориентироваться в полной темноте. Занимались по двенадцать – тринадцать часов в сутки.

Летчики в это же время изучали теорию полета, конструкцию самолетов, их оборудование, вооружение, производили тренировочные полеты, учились летать вслепую, ориентируясь только по приборам. Состав летной группы непрерывно пополнялся новыми летчицами, прибывавшими по вызову Расковой или по своей инициативе.

На долю техников и вооруженцев выпали особые трудности. Только немногие из них имели специальную техническую подготовку. Клавдия Илюшина, Надежда Стрелкова, Софья Озеркова окончили Военно-инженерную академию. Таня Алексеева, Дуся Коротченко, Тоня Калинкина, Римма Прудникова опирались на большой практический опыт. Они, не жалея сил и времени, занимались с остальными девушками, теми, кто до войны и близко самолета не видел. И надо сказать, вырастили замечательных механиков, вооруженцев, прибористов.

Подшло время первых полетов. Не для всех они оказались удачными. Некоторые испытали морскую болезнь и вылезали из самолета чуть живые.

Таких Раскова спрашивала:

– Плохо было?

– Плохо, – еле ворочая языком, отвечал новорожденный штурман.

– Так, может, летать не будешь?

– Буду, – упрямо отвечала девушка и, помолчав, добавляла: – Я перетерплю... Потренируюсь, товарищ майор! Вот честное слово, это пройдет!..

Марина Михайловна улыбалась, качая головой.

Конечно, особые трудности были оттого, что полеты производились зимой. В тяжелом летном обмундировании штурманы по очереди усаживались во вторую кабину самолета Р-5. Сразу после взлета летчик ждал от них указаний: курс, скорость, высота полета. Ледяной ветер выбивал из глаз слезы, и они тут же замерзали на ресницах. Трудно было рассмотреть землю за бортом. При работе с ветрочетом и линейкой коченели пальцы, отчего записи в бортжурнале были корявыми и неразборчивыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.